

учебные заведения высшего и начального лесного образования.

Не последнюю роль в формировании экологической культуры, включающей в себя и проблему леса, сыграла русская и переводная литература. Истомина обращает внимание на вызвавшую мировой общественный резонанс и, между прочим, оказавшую спустя столетие сильное воздействие на формирование экологической истории книгу американского учёного и дипломата Дж. Марша «Человек и природа»⁵. Наконец, художественная, историческая литература, публицистика. Тут что не имя, то отложившиеся в памяти многих поколений выдающиеся произведения С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина...

Разумеется, феномен леса в отечественной истории и культуре настолько многообразен и существенен, что под одной обложкой с одинаковой полнотой могли быть рассмотрены далеко не все вопросы. Понятно и то, что судьба русского леса является важной, но не исчерпывающей составляющей экологической и социально-экономической истории страны, в том числе и в рассматриваемых

в книге хронологических пределах. Но главное: монография Э.Г. Истоминой подтверждает эффективность исследований национального прошлого в контексте экологической истории, взаимодействия русского человека и окружающей и изменявшейся под его воздействием природно-географической среды. Многие её страницы могут рассматриваться как путеводитель и одновременно сигнал новым поколениям историков (в том числе экологических) для выбора и переосмысления экоисторической проблематики в контексте общей истории страны.

Примечания

¹ Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX вв. М., 1982; Истомина Э.Г. Водный транспорт в России в дореформенный период. Историко-географические исследования. М., 1991.

² Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. М., 2012; Изд. 2. М., 2018.

³ Середонин С.М. Историческая география: лекции, читанные проф. С.М. Середониным в Императорском петроградском археологическом институте. Пг., 1916. С. 1.

⁴ Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. С. 195.

⁵ Марш Г. Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.

Фёдор Гайда

Рец. на: В.Н. Шаховской. Так проходит мирская слава. 1893—1917 / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликов. М.: Ретроспектива; Кучково поле, 2019. 704 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University;

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)

Rec. ad op.: V.N. Shakhovskoy. Tak prokhodit mirskaya slava. 1893—1917. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012214-6

Мемуары князя Всеволода Николаевича Шаховского впервые вышли в Париже ещё в 1952 г.¹ Их автор при-

надлежал к последнему поколению высшей бюрократии Российской империи, выдвинутому на первые роли

в период Великой войны. Среди его коллег по правительству сравнимые по информативности и значению свідетельства оставили только министр финансов П.Л. Барк, министр земледелия А.Н. Наумов, а также министры иностранных дел С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский². Работая над своими записками на склоне лет, в освобождённой от нацистов Франции, Шаховской не имел возможности опираться на личный архив. Однако даже после пережитой трагедии (при американской бомбёжке погибла жена, а сам князь получил тяжёлое ранение) память сохраняла множество подробностей прошлого. Неточностей в его воспоминаниях немного (комментатором они тщательно выявлены), а упоминаемые в них детали часто подтверждаются другими источниками. Мемуарист осветил свой карьерный путь, отношения с царём и царицей, председателями и членами Совета министров, представителями законодательных палат и торгово-промышленного мира, очертил деятельность Министерства торговли и промышленности, Особых совещаний, борьбу с «немецким засильем», события Февральской революции. Настоящее издание является вторым, однако, в отличие от первого, оно имеет научный характер. Комментарии (набранные мельче, чем основной текст) и указатель имён составили половину книги (с. 344—682).

Всеволод Николаевич принадлежал к многочисленному роду ярославских князей Рюриковичей, однако никакими земельными владениями уже не обладал, жил на жалованье. О своих родителях он не писал, о его матери (Е.К. Кимбар) сведений вообще нет. С.В. Куликов относит Шаховского к «служилой интеллигенции» (с. 6), хотя такое сталинское понятие³, пожалуй, сильно удивило бы самого князя. На современный лад его

можно было бы назвать технократом. В Морском кадетском корпусе он получил высшее образование, по преимуществу математическое. Автор предисловия считает это «атипичным» (с. 6), хотя трое из пяти предшественников Шаховского, возглавлявших торгово-промышленное ведомство в 1905—1915 гг., оканчивали именно физико-математические факультеты. Особенностью являлась скорее связь с флотом. Не став военным моряком, князь сделал блестящую бюрократическую карьеру. В продвижении по службе ему способствовали императорский флаг-капитан адмирал К.Д. Нилов, вел. кн. Александр Михайлович и министр путей сообщения С.В. Рухлов, в ведомстве которого Шаховской стал начальником управления внутренних водных и шоссейных дорог. Все они ценили деловые качества Всеволода Николаевича (с. 8—12, 15). Тем не менее назначение в феврале 1915 г., когда в верхах уже осознали проблему «снарядного голода», 40-летнего Шаховского (самого молодого на тот момент члена правительства) министром торговли и промышленности, по словам Барка, насторожило его коллег, поскольку князь не являлся ставленником А.В. Кривошеина, подбиравшего в то время кандидатуры руководителей ведомств⁴. Но тот поддержал креатуру своего союзника Рухлова (с. 16), который, как и он, принадлежал к числу ближайших сотрудников П.А. Столыпина. Не возражал и «премьер» И.Л. Горемыкин, когда Николай II решил с ним посоветоваться (с. 97—100).

Барк отмечал, что князь был «очень хороший, порядочный и трудящийся человек, но не прошедший достаточной подготовительной школы для ответственного поста министра торговли и промышленности и совершенно неизвестный в торго-

во-промышленных кругах»⁵. Предприниматели предпочитали видеть на столь важной, особенно в условиях войны, должности Н.С. Авдакова. Граф С.Ю. Витте, опиравшийся на поддержку Ставки и военного министра В.А. Сухомлинова, рассчитывал, что её займёт учёный-экономист В.П. Литвинов-Фалинский, управлявший отделом промышленности в министерстве (с. 136). Не добившись своего, эта мощная коалиция уже в марте попыталась убедить императора сделать Литвинова товарищем министра с особыми полномочиями и ввести его в Совет министров. Лишь подав в отставку, Шаховской сумел избавиться от соперника (с. 122—125, 136). На стороне князя выступили Кривошеин, Рухлов и Горемыкин, чьи отношения с петроградским частным капиталом тогда обострились⁶. Тем не менее Ставка боролась за отставку Шаховского вплоть до лета 1915 г.⁷ Частичным её успехом стало создание «майского совещания», а затем и Особых совещаний, в чём ей активно содействовали промышленники и думское большинство.

Куликов аргументированно опровергает изложенную в мемуарах В.И. Гурко версию, согласно которой Шаховской стал министром с подачи Г.Е. Распутина: никаких доказательств в её пользу нет, основана она на более поздних слухах. Однако князь не гнушался контактов со «старцем», влиявшим на императрицу (с. 196—202), хотя просьбы его удовлетворять не спешил (с. 17—18, 200—202, 546—547). Какое-либо участие Распутина в формировании правительственной политики мемуарист отрицал. В целом, Шаховской старался демонстрировать гибкость, позднее отличавшую его отношения и с министрами, и с промышленниками, и с общественностью. Куликову, как и вел. кн. Николаю Михайловичу, он

напоминает «Вилли Ферреро» — вундеркинда, дирижировавшего оркестром (с. 5).

Как утверждал В.В. Прилежаев, управлявший канцелярией министра, кн. Шаховской поменял стиль министерской деятельности: в отличие от С.И. Тимашева, державшего всё в своих руках, он предоставлял больше свободы подчинённым, ограничиваясь курированием их работы, которая в результате пошла значительно быстрее. Помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов вспоминал, что на заседаниях Всеволод Николаевич поначалу оставался в тени более крупных и опытных фигур, но затем освоился и стал инициативнее (с. 18—21). Сам князь признавался: «Эти два года я не могу охарактеризовать иначе, как словом “кошмар”» (с. 108). Как бы то ни было, именно тогда российская экономика была поставлена на военные рельсы, причём основную роль в этом сыграла государственная промышленность. Со своей стороны, министр добился фиксации предельных цен на топливо и подготовил законопроект об устройстве государственного нефтяного промысла в бакинском районе, что встретило противодействие частных фирм. Кроме того, он безуспешно пытался перевести железнодорожный транспорт на антрацит, ограничить засилье банков в акционерных обществах и предотвратить секвестр Путиловского завода. Однако сопротивление Трепова и Барка, а также множества лоббистов оказалось сильнее (с. 236—239, 245—246, 255—260, 284, 582—583, 592—593, 597, 626—627).

Шаховской старался заручиться поддержкой самых разных сил, демонстрируя лояльность к Думе, общественным организациям и предпринимателям. Первоначально он надеялся на их деловой подход и способ-

ность избежать излишней политизации в военное время (с. 189, 541—542, 551). При этом ещё до 1915 г. у него сложились «добрые отношения» с «некоторыми кадетами» (в частности, А.И. Шингарёвым и Н.В. Некрасовым), которые сохранились и впоследствии. Позднее министра консультировали член ЦК кадетской партии П.Б. Струве и связанный с ней банкир Б.А. Каменка (с. 106—107, 414—417). С кадетами Всеволоду Николаевичу было даже проще взаимодействовать, чем с октябристами и правыми, боявшимися скомпрометировать себя сотрудничеством с бюрократией (с. 113, 334). В Особом совещании по топливу под председательством Шаховского заседания носили преимущественно деловой, а не политический характер. Две его секции возглавляли член Государственного совета А.А. Макаров и товарищ председателя Думы А.Д. Протопопов. По словам князя, это «было чисто тактическим шагом», позволявшим «втянуть членов законодательных палат как можно больше в реальную работу» и свести к минимуму демагогическую критику с их стороны. В московском регионе главноуполномоченным Совещания стал кадет П.И. Новгородцев (с. 231—232). «Я никогда не был противником “общественности”, — утверждал Шаховской, — но я был заклятым врагом “революционной общественности”, которая в последние годы, к глубокому прискорбию, закабаляла почти всю общественность. С этой революционной общественностью я считал своим долгом, священным долгом, долгом разума, долгом совести, долгом присяги бороться всеми силами, что я и выполнил до конца в бытность мою в царском правительстве» (с. 190). Прочитав мемуары В.А. Маклакова⁸, князь констатировал: «Как ни странно, но общественная деятельность у нас не выработала государственных

людей. Как это ни странно, но бюрократический опыт (я говорю о высшей бюрократии) давал у нас много больше умения к правлению государством, чем всякого рода общественные и земские организации» (с. 342).

Вместе с тем Шаховской пользовался доверием Николая II и императрицы Александры Фёдоровны, которые весьма высоко оценивали деловые качества Всеволода Николаевича (с. 156). Конфликты с другими министрами возникали у него в основном из-за ведомственных интересов и прагматических соображений (с. 109, 235—242, 253, 572—576, 589—590). В целом, он скорее сглаживал напряжённость в правительстве, чем создавал её. И если адмирал И.К. Григорович на заседаниях правительства делал бывшему мичману Шаховскому «довольно бесцеремонные замечания», то сам князь в частных беседах с императрицей защищал репутацию морского министра (с. 420—421, 491). Лишь военного министра А.А. Поливанова он заподозрил в злонамеренности (с. 111, 249—254, 421) и лоббировании интересов частной промышленности в личных политических целях (с. 255—260, 602—603). Настораживала и тесная связь генерала с А.И. Гучковым, которого мемуарист знал с 1907 г. по Русскому обществу пароходства и торговли. Уже тогда тот ввязывался в любую авантюру (с. 297—298). Да и в 1915—1917 гг. деятельность военно-промышленных комитетов, как и других всероссийских общественных организаций, Шаховской воспринимал весьма критически (с. 141, 177—180, 513—515)⁹.

В Совете министров Шаховской поспешил присоединиться к большинству во главе с Кривошеиным. В конце мая 1915 г. князь участвовал в коллективном обращении к царю с призывом отправить в отставку четырёх министров, имевших репута-

цию консерваторов (с. 162—164), а в августе подписал письмо министров к Николаю II с просьбой сохранить на посту верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и уволить Горемыкина (с. 213—219). Критика политики Кривошеина в мемуарах (с. 109—110) явно отражала более поздние настроения и размышления Шаховского. Между тем осенью 1915 г. расклад сил в правительстве поменялся, и Всеволод Николаевич постепенно примкнул к А.Ф. Трепову, которого также рекомендовал императору Рухлов. Это, как и разлад с Поливановым, не способствовало сближению с начальником штаба Ставки генералом М.В. Алексеевым (с. 153, 474). Когда в руках князя оказались письма Гучкова к Алексею, он немедленно ознакомил с ними Александрю Фёдоровну. И сам Шаховской, и императрица, а вслед за ними и Куликов пишут о «переписке» Алексеева и Гучкова, хотя генерал её наличие отрицал, чем навёл на себя подозрение (с. 153—155, 476—488). И действительно, нет не только ответных писем Алексеева, но и каких-либо свидетельств об их существовании. Гучков писал начальнику штаба и затем распространял свои послания, используя их как оружие политической борьбы. Будь в его руках хотя бы один ответ, он непременно так или иначе предал бы его огласке. Это прекрасно понимал и не отвечавший ему Алексеев. Тем не менее в феврале—марте 1917 г. он выступил на стороне Гучкова.

Борьба за пост министра торговли и промышленности происходила с переменной интенсивностью, но не прекращалась. С осени 1915 г. главным претендентом на роль преемника Шаховского являлся Протопопов, которого неизменно выдвигал председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Кривошеин рекомендовал

князю взять депутата в товарищи, Б.В. Штюмер рассматривал такую комбинацию как часть желанного компромисса с оппозицией. Тем временем сам Протопопов рассказывал Распутину, будто Шаховской хочет возглавить МВД (с. 144—150, 156—157, 458, 469—473, 490). Однако министром внутренних дел царь назначил самого Протопопова. Шаховской, казалось бы, мог успокоиться. Вот только неожиданный взлёт вчерашнего товарища в Таврическом дворце восприняли враждебно и сочли за предательство. Шаховской не одобрял поиски компромисса, предпринятые новым премьером Треповым, хотя, как верно отметил Куликов, и сам занимался тем же (с. 312—313, 655—656). После отставки Трепова он безуспешно просил об увольнении (с. 316). Впрочем, ему пришлось покинуть министерство уже через два месяца: во время Февральской революции Шаховского арестовали, но через четыре дня отпустили — помогли личные связи с кадетскими лидерами (с. 334). Этим и завершились попытки князя найти серьёзную опору в сотрудничестве с парламентом и общественностью.

Примечания

¹ Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893—1917 гг. Париж, 1952. В издании 2019 г. оригинальное название изменено.

² Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914—1917. В 2 т. М., 2016; Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954—1955; Покровский Н.Н. Последний в Маринском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015; Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

³ Гайда Ф.А. «Интеллигенция»: чудо воскрешения. Заметки об эволюции понятия в советский период // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 4(16). М., 2020. С. 121—123.

⁴ Барк П.Л. Воспоминания... Т. 1. С. 417—419.

⁵ Там же. С. 416—417.

⁶ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Записи заседаний и переписка. СПб., 1999. С. 114—115; *Крунина Т.Д.* Политический кризис и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 58—75.

⁷ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы / Публ. С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 162—163.

Евгений Подрепный

Рец. на: М.Ю. Мухин. Поколение «0». Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области реактивной авиации в СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 235 с.

Evgeniy Podrepniy

(Institute of International Relations and World History,

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Rec. ad op.: M.Yu. Mukhin. Pokoleniye «0». Nauchno-issledovatel'skiye i opytно-konstruktor'skiye raboty v oblasti reaktivnoy aviatsii v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012216-8

Новая монография М.Ю. Мухина является, судя по всему, завершением длительной разработки сравнительно малоизученного сюжета¹. Автор впервые сформулировал понятие «нулевого поколения» реактивной авиатехники, которое охватывает все её модели, разрабатывавшиеся в СССР в 1944—1945 гг., т.е. ещё до того, как у советских инженеров и конструкторов появилась возможность ознакомиться с «трофейными» реактивными самолётами Германии и с моделями турбореактивной техники, приобретёнными у недавних союзников по антигитлеровской коалиции. Название родилось на том основании, что традиционно самолёты, сконструированные под использование названных двигателей, объединяют в категорию «первое поколение советских реактивных самолётов». С таким подходом можно соглашаться, его можно оспаривать, но надо признать, что

⁸ *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936.

⁹ По подсчётам историков, к январю 1917 г. военно-промышленные комитеты выполнили лишь 6—7% полученных заказов: *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 86—93.

рациональные основания в нём присутствуют.

Ранее «нулевое поколение» как исторический феномен не становилось предметом исследования ни у нас, ни за рубежом, поэтому можно только приветствовать работу, закрывающую этот досадный пробел. Нельзя не согласиться с автором в том, что «эти самолёты не стали основой советских ВВС. Они вообще практически не производились сколько-нибудь крупной серией. Но они стали важной вехой развития советской авиации, первым шагом советских реактивных самолётов в небо. На этих машинах советские конструкторы и производственники набирались опыта, осваивали новые технологии и приёмы. Очень сомнительно, что без этой школы “проб и ошибок” состоялось бы то первое реактивное поколение, которое мы знаем» (с. 34).